Глава седьмая. Марксистская социология

I. Экономический материализм после полемики конца XIX в. Влияние октябрьской революции на судьбы социологии в России
II. Диалектизм марксистской социологии: Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. П. Маслов, [С. И. Солнцев], Н. А. Гредескул
III. Историки-марксисты: М. Н. Покровский, Н. А. Рожков
IV. Главные систематизаторы теории экономического материализма: Н. И. Бухарин, И. П. Разумовский, С. А. Оранский и др. Главные пункты систематизации

I. ПОСЛЕ БУРНОГО ПЕРИОДА СОЦИОЛОГИческой полемики между марксистами и народниками во второй половине последнего десятилетия прошлого века наступило некоторое затишье. Теоретический антагонизм отступил на задний план перед политическим антагонизмом двух партий — социал-демократов и социалистов-революционеров, да и теоретические аргументы научно-философского спора с обеих сторон были исчерпаны. Если и поднимались новые теоретичес-

кие вопросы у марксистов, то не ввиду внешней оппозиции, а по поводу, так сказать, искривлений правильной линии среди самих последователей Маркса. С другой стороны, произошло обращение легальных марксистов в идеализм, которое не могло не ослабить позицию экономического материализма в нашей социологической литературе. Некоторые даже думали и уверяли других, что песенка экономического материализма была спета, что у него в России нет будущего, что его видимые успехи были явлением временным, преходящим.

На самом деле это было не так. Наоборот, марксизм широко распространялся, и сравнительное затишье, наступившее в социологической полемике, далеко не означало собой, чтобы то же происходило в глубинах общественной жизни. Мы видели, что этико-социологическое направление образовалось как раз в период героической революционной борьбы семидесятых годов, но что между этим направлением и этой борьбой не было такой тесной связи, [как] между отвлеченной теорией и жизненной практикой, какая так характерна для марксизма. Разочарование в способах революционной борьбы семидесятых годов отразилось на умалении того кредита, каким пользовались у передовой интеллигенции и у учащейся молодежи теоретические воззрения Лаврова, Михайловского, Чернова и др., хотя последние здесь были ни при чем по отношению ни к хождению в народ, ни к террору. Конечно, лишь немногих могли заражать чисто теоретические, чисто научные результаты социологических работ кабинетного и кафедрального происхождения. Неудача революционного движения семидесятых годов вовсе не была логической проверкой на опыте теории, но дело было понято большинством особенно молодежи именно так, и естественно было искать новой теории.

Эту теорию и давал марксизм, в котором вопросы отвлеченной теории и жизненной практики были тесно

соединены в одно нераздельное целое. В нем достижение социального идеала явилось не результатом усилий критически мыслящих и героически настроенных личностей, как в «Исторических письмах» Лаврова, наименее социологическом его трактате, а как последняя стадия закономерно совершающегося объективного исторического процесса. Другими словами, социализм тут был понят не как цель, ставившаяся сознанием и достигаемая усилиями личностей, а как заложенный в самом бытии конечный результат исторического процесса, естественный предел социального развития. Так учение Маркса и было истолковано многими социал-демократами на Западе, а у нас легальными марксистами, вооружившимися как раз против того, что было революционным и не вполне доказанным в «субъективной социологии».

Факт был тот, что марксизм не только не умер, как пророчили близорукие люди, но одержал победу по всей линии. Октябрьская революция 1917 г. совершилась под знаменем марксизма и под руководством одного из его теоретиков, что, разумеется, не могло не содействовать успеху и экономического материализма[1]. Фактическая победа теории на политическом поприще для многих получила значение подтверждения ее верности. Переход власти в руки марксистских вождей не мог не отразиться и на внешних условиях, в какие были поставлены как научные занятия вообще, так в особенности социологическая работа, издание книг и статей по социологии, ее преподавание в высшей и даже в средней школе. Марксизм получил значение государственного учения, оберегаемого идеологической цензурой. Когда окончилась гражданская война, для развития марксистской философии и социологии было открыто особое отделение в Институте красной профессуры (1921) и создан был философский журнал «Под знаменем марксизма» (1922), после чего

были организованы другие научные издания, каковы «Вестник Коммунистической академии», «Записки Научного общества марксистов»[2], «Летописи марксизма», «Историк-марксист». Наконец, в старую Академию наук вошло несколько ученых-марксистов, специалистов по философии, по истории, по политической экономии и по литературоведению.

Вместе с этим во все высшие школы была введена как для всех студентов обязательный предмет теория экономического материализма, в духе которого стало преподаваться и в средней школе обществоведение, заменившее собой прежнюю историю. Социологическое преподавание не могло не породить целого ряда общих курсов по теории экономического материализма, в которых она стала получать систематическую обработку, и еще большего количества более кратких учебников и пособий хрестоматийного характера[3].

Делались даже попытки изложения курса социологии для потребностей второй ступени трудовой школы, такой попыткой является книга С. Фарфоровского и [М.] Кочергина «Социология. [Курс-справочник для второй ступени трудовой школы рабочих университетов и самообразования». (Казань: Госиздат, 1920)], представляющая собой, по словам составителей, «синтез истории, тесно связанный как вывод и обобщение материала, с историей и политической экономией», ибо сама эта наука, по их определению, есть «синтез общественно-историко-экономических и естественно-исторических данных». Потом этот предмет стал называться «обществоведением». Благодаря этому образовалась такая обширная литература, какой не имело у нас ни одно из прежних направлений социологии и какой не имеет марксизм нигде вне России. То, чего долго недоставало экономическому материализму, теоретическое его обоснование, его систематизация, разработка его деталей, все это давалось теперь

этой обильной литературой, стремившейся в то же время создать единое правильное понимание теории. Прежняя социология дробилась на разные направления, и вместе с тем представители каждого направления, в отдельности взятые, еще не сходились между собой по многим важным вопросам. Теперь стало вырабатываться, так сказать, общее учение, отклонения от которого рассматривались как отступления от чистой, основной, главной руководящей линии, как разные уклоны в сторону старых социологических теорий. Этим создавалась единая социологическая ортодоксия, и отнесение к буржуазности сделалось обычным полемическим приемом в критике всего, что стало квалифицироваться как буржуазное и эклектическое[4].

При таком положении дел немарксистская социология пришла в полный упадок. Еще в первые годы после революции выходили некоторые такие книги[5], но потом такие работы перестали выходить. Из прежних социологов кто умер, кто эмигрировал, кто перестал писать или не мог ничего издать, а новых немарксистских авторов не появилось ни одного.

В этой литературе прежнее название экономического (потом исторического) материализма все чаще стало заменяться названием диалектического материализма, т. е. более тесное понятие — понятием более широким, специально-социологическое — общефилософским, по отношению к которому еще более широким понятием является понятие «марксизм», охватывающее не только все научно-философское миросозерцание, но и всю политическую практику в ее программе и практике. Экономический материализм только часть диалектического материализма как теории марксизма, у которого есть и своя еще практика. Здесь не место вдаваться в подробности чисто философской (гносеологической и онтологической) части

марксизма[6] и остается только упомянуть о его представителях и о его основной идее.

Главным философом марксизма явился Абрам Моисеевич Деборин [1881—1961], автор, между прочим, «Введения в философию диалектического материализма» (1907), с 1929 г. действительный член Академии наук. Его специальностью сделалась работа материалистической диалектики, которую он защищал и обосновывал как на естественно-научном, так и на общественно-научном материале, понимая философию прежде всего как науку в науках, как ее метод или общую научную методологию. Однако в детальной разработке философского материализма он выдвинул вперед диалектику в естествознании и взял на себя методологическое руководство в научной работе молодых ученых в областях математики, физики, химии и биологии. Социология была Дебориным оставлена на втором плане, хотя и не игнорировалась вполне («Ленин как мыслитель», «Диктатура пролетариата и теория марксизма», «Марксизм, Ленин и современная культура», «Фрейдизм и социология», «Марксизм и культура») не столько, впрочем, в отвлеченно-теоретической, сколько в злободневной, практической постановке. Другими представителями материалистической философии сделались Л. И. Аксельрод-Ортодокс[7], Н. Карев, И. Луппол.

Если родоначальники позитивизма (Конт, Милль, Спенсер) стояли на кантианской точке зрения познаваемости только мира явлений и недоступности его существования для познания и социологам как исследователям одной из частей мира явлений не было никакого дела до метафизического спора спиритуалистов (или идеалистов) с материалистами, то марксизм занял в философии резко выраженную позицию. Сама социологическая теория Маркса вытекала из его философского материализма. Он сам находил нужным «согласовать науку об обществе с материалистическим

основанием философии», или, как выразился Ленин, экономический материализм был «последовательным продолжением, распространением материализма на область общественных явлений» или «достраиванием материализма доверху». По этой причине систематические изложения экономического материализма не ограничивались рассмотрением проблем познания и бытия общественных явлений, но занялись решением общих гносеологических и онтологических вопросов в материалистическом смысле, выходя, следовательно, за пределы компетенции социологии как положительной науки, изучающей определенную категорию явлений в окружающей нас действительности без какой бы то ни было метафизики. Соответственно материальной основе всякого бытия и основа бытия общественного должна была мыслиться как материальная, чему в социальной жизни соответствует экономика. Основной тезис этой социологической теории — постулат общего философского миросозерцания. Будучи материалистическим, оно, однако, отмежевалось от вульгарного материализма второй половины XVII в. и от механического материализма середины XIX столетия, объявив себя диалектическим, вследствие чего главные усилия философского мышления марксистов и направились на разработку диалектики, которая притом была ими понята не только как метод мышления, но и как основной закон объективного развития[8].

Эта сторона марксизма обратила на себя внимание его критиков сначала в гораздо меньшей степени, нежели экономическое объяснение истории, и только несколько позднее[9] в наших журналах стали появляться статьи специально на эту тему в роде статей Н. Г. «Материализм и диалектическая логика» [Рус. богатство. — 1898. — № 6] и Н. Х. «Опровергнута ли диалектика?» [Науч. обозрение. — 1898. — № 12], принадлежавшие Х. Житловскому и Н. Херсонскому. Пер-

вая из них была перепечатана отдельной брошюрой в 1907 г. В глазах критиков экономического материализма, как мы видели в своем месте, употребление его представителями диалектического метода было даже одним из аргументов против самой теории, будучи принято за метафизический пережиток, за «гегельянщицу». И на самом деле марксизм, вышедший в философской своей стороне из левого гегельянства, располагал своих последователей вернуться к Гегелю, что у нас и стало признаком ортодоксального марксизма в отличие от неортодоксального искания философского обоснования в других философских направлениях (в неокантианстве, в эмпириокритицизме и т. п.).

Здесь можно, не входя в подробности, ограничиться указанием на то, что этой стороне марксизма, заставлявшей многих называть экономический материализм диалектическим, стало отдаваться все больше и больше места в марксистской литературе, как это можно видеть из ряда отдельных работ, посвященных вопросу. Для общей характеристики достаточно здесь указать на статью профессора Гредескула в журнале «Под знаменем марксизма» [1927. — № 7—8], где понятие диалектической эволюции противополагается понятиям двух видов эволюции, которыми пользуются немарксистские социологические теории. Одна такая эволюция, называемая автором механической, но могущая быть названной и органической, есть та самая, которую Конт называл спонтанной, эволюция в спенсеровском смысле. Иначе это — саморазвитие, я сказал бы «самотек». От нее отлична другая эволюция, противополагаемая той Лестером Уордом как антропотелеологическая генетической, у автора обозначается как эволюция творческая по примеру Бергсона. Эти две эволюции различались постоянно, как известно, и в старой русской социологии как естественный ход вещей и как вмешательство в него со стороны чело-

века, как процессы бессознательный и сознательный, или преднамеренный. Марксизм выдвинул третье понятие эволюции, заимствованное им из философии Гегеля, понятие развития диалектического, или движения путем противоречий. Только Гегель говорил о диалектическом движении в сфере духа, тогда как Маркс перенес его в сферу природы: диалектика может быть не только в уме, в человеческой голове, но и во внешнем мире, в природе и в истории. Это не только метод мышления, но и метод действования в реальном мире. Острие рассуждений своих Гредескул направил не против первой, механической эволюции, которую он называет столь же монистичной и научной, как и диалектическую, а против творческой, признанной им за понятие дуалистичное и ненаучное, даже религиозное. Конечно, вопрос о том, как совершается всякая эволюция, есть вопрос не специально социологический, а общенаучный, но Гредескул дал ему такое решение, по которому понятие механической эволюции признается верным и лишь недостаточным, а только и могущее применяться в социологии и в истории понятие эволюции творческой безусловно отвергается[10].

II. Переходя к рассмотрению социологических воззрений отдельных, наиболее видных марксистских социологов, начнем с Г. В. Плеханова, выступление которого под псевдонимом Бельтова в 1895 г. с книгой «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» положило начало в России экономическому материализму. Под этим псевдонимом и другими он продолжал защиту своей социологической позиции. Такое значение имели следующие статьи Плеханова: 1) «Несколько слов в защиту экономического материализма» с подзаголовком «Ответ г. Гольцеву» [Рус. мысль. — 1896. — № 9], содержавшая возражение на

критику последнего, о которой уже было сказано выше; 2) «Об экономическом понимании истории» [Новое слово. — 1897. — № 9]; разбор книги Лабриола «Essais sur la conception materialiste de l'histoire»* 3) «Нечто об истории» [Самарский вестн. — 1897. — № 8, 10]; по поводу русского перевода «Социологических основ истории» Лакомба 4) «К вопросу о роли личности в истории» [Науч. обозрение. — 1898. — № 3—4], где давался разбор разных ответов на этот вопрос; 5) книга «Критика наших критиков» (1901); 6) «Ответ на открытое письмо Богданову».

После той полемики, которую Плеханов вел против прежней русской социологии, теперь он нападал и на легальных марксистов, и на эмпириомонизм Богданова в России, а в Германии на ревизионизм Бернштейна, на эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, поправлявших и дополнявших Маркса. Резкий полемический тон — наиболее характерная черта произведений Плеханова, которые интересны для социологии, но в них он не сказал, в сущности, ничего нового сравнительно с «Монистическим взглядом», и заслуживает быть отмеченным только его взгляд на роль личности в истории. Сочувствие нашей молодежи к признанию за этой ролью большого значения Плеханов приписывал ее «стремлению к благородному труду на общую пользу», но он неверно толковал воззрение «субъективной социологии», которая будто бы «противополагала деятельность критически мыслящих личностей влиянию законов общественного движения». Это была очень неточная формулировка: законам исторического развития никто никогда из наших социологов не противополагал подобное, а противополагались друг другу сознательная и целеустанавливающая деятельность стихийному ходу вещей. В сущности, взгляд Плеханова

* «Очерки материалистического понимания истории» — *фр.* Русский перевод — М., 1960.

не отличался от взгляда прежних социологов, он даже нашел нужным защитить экономический материализм от обвинения в том, что он отрицает значение сознательного и целеполагающего человеческого действия. «В России, — писал он под псевдонимом С. Ушаков в своем ответе Гольцеву, — до сих пор (1896) распространен тот странный предрассудок, что теория экономического материализма осуждает личность на бездействие, что если правы экономические материалисты, то все произойдет само собою». По смыслу теории «общественные отношения суть отношения людей, и ни один великий шаг в истории не может совершиться без участия великого множества людей, т. е. масс. Необходимость их участия обусловливает необходимость воздействия на массы более развитых личностей. Таким образом открывается широкий простор для деятельности отдельных личностей» и т. д. Опровергая неправильное суждение об экономическом материализме с этой стороны, Плеханов мог бы назвать Струве как одного из виновников данного недоразумения. В статье «К вопросу о роли личности в истории» он, не называя Струве, привел его взгляд на личность как на quantité négligeable*, назвав это непозволительной крайностью. «Правильная точка зрения будет найдена, — заключал Плеханов, — только тогда, когда мы сумеем объединить в синтезе заключающиеся в них (в тезисе и антитезисе) истины». Вообще не прибавив ничего существенного к прежним заявлениям в названных статьях, Плеханов продолжал сохранять усвоенный им полемический характер, причем в многочисленных своих статьях он выступал больше против иностранных авторов, критикуя, например, ревизионизм Бернштейна, эмпириокритицизм Маха и Авенариуса, отношение Масарика к марксизму и т. п., а у

* Ничтожно малую величину — *фр.*

нас Струве и Богданова. В полемических статьях своих Плеханов, конечно, не мог не давать своих положительных формулировок основных тезисов экономического материализма и некоторых его деталей, а в 1908 г. довольно кратко и суммарно изложил общие итоги своего социалистического мышления в «Основных вопросах марксизма».

В брошюре «Основные вопросы марксизма» Плеханов рассматривал учение Маркса как «целое миросозерцание» и поэтому прежде всего высказался о попытках дополнения марксизма другими философиями, причем нашел это совершенно лишним. Эта часть брошюры с той точки зрения, на которой экономический материализм является только одним из социологических учений, для нас здесь не представляет специального интереса. Материалистическому объединению посвящена была только вторая половина брошюры, и нужно признать, что для своего времени попытка Плеханова систематизировать экономический материализм достаточно достигала своей цели и была превзойдена в смысле подробностей только через два десятилетия. Резюмировать эту систематизацию можно словами самого автора следующим образом: «Свойства географической среды обусловливают собой развитие производительных сил, развитие же производительных сил обусловливает собой развитие экономических, а вслед за ними и всех других общественных отношений... Раз возникнув, данные общественные отношения сами оказывают большое влияние на развитие производительных сил. Таким образом... между развитием производительных сил и общественным строем возникает взаимодействие. Порождаемые данной экономической структурой правовые и политические отношения оказывают решительное влияние на психику общественного человека», под которой у Плеханова разумелись и мышление, и идеология. Раз «хозяйственная жизнь развивается под влиянием роста производительных сил», то «изменяются и взаимные отношения людей в процессе производства, а с ними и человеческая психика». В этом процессе изменений «есть место как для скачков — эпохи социальных революций, так и для постепенных изменений... Постепенные количественные изменения в свойствах данного порядка вещей ведут наконец к изменению качества, т. е. к падению старого способа производства и к замене его новым. Имущественные отношения, сложившиеся на данной ступени роста производственных сил, в продолжение некоторого времени способствуют дальнейшему росту этих сил, а потом начинают мешать ему». Еще короче эти утверждения, взятые в разных страницах, могут быть выражены в следующей последовательности: «1) состояние производительных сил; 2) обусловленные ими экономические отношения; 3) социально-политический строй, выросший на данной экономической основе; 4) определяемая частью непосредственно, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем психика общественного человека; 5) различные идеологии, отражающие на себе свойства этой психики».

Эту последнюю формулировку Плеханов защищал, между прочим, как «достаточно широкую, чтобы дать место всем формам исторического движения» и как «чуждую того эклектизма, который не умеет идти дальше взаимодействия между различными общественными силами и даже не подозревает, что факт взаимодействия между этими силами еще не решает вопроса общих происхождений», хотя сам Плеханов об этом-то последнем довольствовался немногими утверждениями, не входя в детальный анализ. Одной из своих задач он ставил защищать Маркса от обвинения его критиками в односторонности и в его «будто бы пренебрежении ко всем другим факторам обществен-

ного развития, кроме экономического». По мнению Плеханова, это обвинение было результатом «непонимания (критиками) той роли, какая отводится у Маркса—Энгельса взаимодействию между основанием и надстройкой». Дело для него тут было не в односторонности, а «только в стремлении к монизму, в отвращении к эклектизму», в котором Плеханов упрекал всех критиков экономического материализма.

Во всех своих теоретических работах Плеханов выступал самым правоверным марксистом. Правда, он признавал, что «развитие научного социализма еще не закончено и не может остановиться на трудах Энгельса и Маркса» и что за «установлением основных положений нового учения должна последовать детальная разработка относящихся к нему вопросов, дополняющая и разрешающая (?) переворот, совершенный в науке» обоими учителями, но он протестовал против разных попыток (между прочим, Луначарского и Фриче, будущих авторитетов теории) отделить экономическую и историческую (значит, и социологическую) сторону этого учения от его философского (т. е. материалистического) обоснования и, так сказать, дать ему какое-либо новое обоснование в какой-либо иной философии вроде неокантианства и эмпириокритицизма.

Все только что изложенное сделало Плеханова настоящим родоначальником марксистской социологии в России. Уже одно то обстоятельство, что Ленин советовал тщательно изучать его философские произведения как наилучшие во всей, не одной только русской, литературе по марксизму, указывает на это значение Плеханова как теоретика экономического материализма. Особенно для развития этой теории было важно то, что, благодаря разностороннему образованию, он применял свою теорию к таким «идеологическим надстройкам» над «экономическим базисом», какими, по данной теории, являются религия, искусство, литература. Как бы ни критиковали очень многие марксисты частности философского и социологического миросозерцания Плеханова, не говоря уже о политическом его поведении в 1905, 1914 и 1917 гг., все представители теории экономического материализма все-таки были его учениками, хотя бы и находили потом его сочинения не соответствующими эпохе, устарелыми по форме и трудными для понимания позднейших читателей (отзыв Бухарина), слишком полемическими, мало систематическими, далекими от удовлетворения педагогическим требованиям, от принятых приемов академического изложения (отзыв Разумовского) и т. п. Плеханова в марксизме называл своим учителем и Владимир Ильич Ульянов (1870—1924), тоже сделавший свой вклад в русскую социологическую литературу и выступавший в печати под разными псевдонимами, из которых один — Ленин — перешел в историю[11]. Как раз то обстоятельство, что он прославился как партийный и классовый вождь революционного пролетариата и политический деятель, достигший величайшего практического успеха, отодвинуло его писательскую деятельность на второй план, да и как писатель он был не столько отвлеченным теоретиком, сколько вплотную стоявшим к жизни публицистом. Сами социологические вопросы в его произведениях ставились и решались Лениным в постоянной связи с текущими злобами дня, с непосредственными практическими задачами революционной борьбы, с требованиями ее стратегии и тактики, с условиями ее технической стороны.

Одним из первых произведений пера Ленина была вышедшая несколькими месяцами раньше наделавших столько шума в 1894—1895 гг. книг Струве и Плеханова. Это была очень большая книга, изданная гектографически в ограниченном количестве экземпляров, т. е. конспиративно и анонимно, и озаглавленная так:

«Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов. Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов». В свое время она распространялась нелегально в очень ограниченном кругу читателей, впоследствии как бы совсем исчезнувши со сцены, и была впервые издана настоящим образом только через три десятка лет после своего написания.

Этот ответ на статьи «Русского богатства», появившийся раньше книг Струве и Плеханова, был вызван статьями Михайловского, Кривенко, Южакова и др. за 1893 и первые месяцы 1894 г. Это была сплошная и очень резкая полемика, причем собственно по экономическому материализму автор нападал на Михайловского, начав с наиболее слабого пункта его субъективизма, а именно с таких его заявлений, как «социология должна начать с некоторой утопии» и «признав нечто желательным или нежелательным, социолог должен найти условия осуществления этого желательного и устранения этого нежелательного», как будто социология не должна быть наукой прежде всего о сущем, а не о желательном или возможном. Начинать с вопроса, что такое прогресс, указывал здесь Ленин, значит начинать с конца. Теории Михайловского он противополагал учение Маркса, который, прибавлял он, «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких отношений есть естественно-исторический процесс», не допускающий никаких изменений по воле общества и правительства. Изобличая Михайловского в незнании и непонимании Маркса и даже в «подтасовках и передержках», он попутно излагал и комментировал положения Маркса, что лишало изложение систематичности, так как его порядок зависел от возражений Михайловского. Притом оспаривание теоретических взглядов последнего занимало меньшую часть работы, большая же часть ее была посвящена более конкретному вопросу о положении русских дел. Интересно, что, полемизируя против сотрудников «Русского богатства», Ленин брал под свою защиту против них Струве, на которого они тогда нападали по поводу одной немецкой его статьи.

В конце того же 1894 г., когда вышли, говоря сокращенно, «Друзья народа», Ленин за подписью К. Тулина поместил в тотчас же уничтоженном марксистском сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895) большую статью «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Не увидевшая тогда света, эта статья был перепечатана только в 1907 г. в сборнике статей Ленина «За двенадцать лет», и тогда он прибавил к ней подзаголовок «Отражение марксизма в буржуазной литературе». В это время написанной на тогдашнюю злобу дня была особая глава, посвященная «критике народнической социологии», занявшая только около одной шестой части статьи. В этой статье Струве был еще союзником Ленина, примыкавшим, по собственному признанию, только к некоторым (а не ко всем) положениям марксизма, и тем же идейным противником, классовую сущность которого он определял как мещанскую, мелкобуржуазную. Субъективизму русской социологии Струве противополагал объективизм марксизма, но Ленин находил, что у него настоящая точка зрения была проведена неполно и объективизму он противоположил в этом отношении материализм. «Объективизм, — писал он, — говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда факторов, всегда рис-

кует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материализм вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения... Материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм... С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы». Мы видели в своем месте, что Струве выступал апологетом в прошлом рабства, и «материализм» Ленина был в этом отношении гораздо ближе к субъективизму, чем к объективизму Струве. Так как последний видел сущность «субъективной социологии» в принятии в нее «роли личности», то и Ленин стал на ту точку зрения, что «особая социологическая теория о роли личности или субъективном методе ставит утопию на место критического материалистического исследования». Вместе со Струве исходным пунктом социологии он брал не единичную личность, а группу, с точки зрения которой (а не личности) и рекомендовал производить оценку. «Для народника, — пояснял он свою мысль, — достаточно констатировать факт, порождающий идеалы, затем привести указания на законность идеала с точки зрения современной науки и современных нравственных идей и взывать далее к обществу и государству» насчет проведения идеалов в жизнь. Марксист исходит из того же идеала, но сличает его не с современной наукой и современными нравственными идеями, а с существующими классовыми противоречиями и формулирует его поэтому не как требование науки, а как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. «Если, — заключал Ленин, — не свести, таким образом,

идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их существование». Если отменить еще несогласие с взглядом Струве на отсутствие у марксизма «чисто философского обоснования», то в приведенных воззрениях и заключается вся социологическая сторона данной статьи Ленина.

Работы Ленина середины девяностых годов были продиктованы не столько потребностью изложить и развить основные идеи марксизма, сколько отразить сделанное на них нападение и, в свою очередь, разгромить их противников. Следующим этапом в полемике Ленина за марксизм была защита им уже не социологической, а философской стороны этого учения. Как Плеханов, так и он твердо стояли на материалистической позиции, которую занимали Маркс и Энгельс, но в начале текущего столетия «целый ряд писателей, желавших, — как их определял Ленин, — быть марксистами, предприняли настоящий поход против философии марксизма». Именно в 1908 г. вышли в свет четыре книги, общей чертой которых было искание философских основ для марксизма вне того материализма, который исповедовали Маркс и Энгельс, Плеханов и Ленин. Одной из этих книг были «Очерки по философии марксизма», сборник статей семи авторов (Базарова, Богданова, Луначарского и др.), среди которых были и авторы двух других книг: Юшкевич, написавший труд под заглавием «Материализм и критический реализм», и Берман, написавший «Диалектику в свете современной теории познания», четвертой же книгой были «Философские построения марксизма». Все эти писатели так или иначе примыкали к русской социал-демократии, между ними некоторые были большевиками, и вот их единовременное выступление со своего рода революционизмом было встречено в 1909 г. сильным отпором со стороны Ле-

нина (под псевдонимом Вл. Ильина) целой книгой «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Нужно прибавить, что это его выступление не было единичным: высказались против философских ревизионистов и другие теоретики марксизма (Л. Аксельрод, А. Деборин, Плеханов). Это была целая «товарищеская война», как назвал ее Ленин. Ему возражали, в свою очередь, и Богданов большой статьей «Вера и наука», и Юшкевич в книге «Столпы философской ортодоксии», и Базаров в сборнике своих статей «На два фронта» (все это появилось в печати в 1910 г.), и вообще этот труд Ленина обратил на себя внимание в печати, вызвав несколько рецензий.

Здесь не место входить в подробности этого философского спора, в котором были подняты гносеологические и онтологические вопросы, далекие от специальных вопросов социологии. С точки зрения последней здесь у нас должна быть отмечена одна глава, занимающая около одной десятой части книги «Материализм и эмпириокритицизм»[12]. И здесь, как и во всей книге, Ленин выступал полемистом против критиков материализма (и не одних только русских). Положительных высказываний у него здесь было мало, и они имели более общий характер. Например, «материализм вообще, — писал он, — признает объективно-реальное бытие (материю), независимо от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там, и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение. В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной обоснованной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной исти-

ны», и т. д. Гениальность Маркса и Энгельса Ленин видел тут в том, что они почти полустолетие двигали вперед свое основное направление, «не топчась на повторении решения уже гносеологических вопросов», показывая, наоборот, «как надо проводить тот же материализм в области общественных наук». Оба они «от начала до конца были партийными в философии, умели открывать отступления от марксизма к идеализму и фидеизму во всех и всяческих новейших направлениях». «Новейшая философия, — говорил Ленин в заключение, — так же партийна, как и две тысячи лет тому назад». Борющимися партиями являются материализм и идеализм, эта утонченная форма фидеизма. В прислужничестве фидеистам, т. е. религии, в их борьбе против материализма вообще и против исторического материализма в частности Ленин и видел всю объективную роль того направления, с которым боролся. Вообще, существенно нового к прежним своим соображениям насчет исторического материализма он в этой своей книге ничего не прибавил.

Что, однако, особенно заслуживает внимания в защите Лениным экономического, или исторического, материализма, это признание старого партийного характера этого учения и вообще всей его материалистической философии. Раз всякая идеология является только надобщественным основанием, а это основание имеет классовый характер, то и философия, и наука не могут не быть классовыми, партийными. Беспартийность, для которой Ленин не стеснялся самыми резкими определениями, казалась ему только лицемерием и скудоумием. Весьма естественно, что, с этой точки зрения, он и в своей критике выступал партийным полемистом. Эта черта проходит через все работы Ленина, касающиеся социологии, кстати сказать, в начале своей деятельности он употреблял этот термин, от которого потом отказался. И после «Ма-

териализма и эмпириокритицизма» он продолжал заниматься философией, даже в эпоху мировой войны. Но революция направила деятельность Ленина не по линии теории, а по линии практики, так сказать, завещав другим написать ту философскую книгу, о которой думал сам (см. письмо «О значении воинствующего материализма» в редакцию журнала «Под знаменем марксизма», 1922). Продуктами революционного периода были две работы Ленина «Государство и революция» (1917) и «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1919).

Оба эти произведения, написанные уже в период революции, имеют характер полемический, будучи, в частности, направлены против одного из вождей германской социал-демократии Карла Каутского, содержание же их относится к вопросу, который не стоял на очереди во времена полемики с «народниками» и с «эмпириомонистами». Это был вопрос о государстве с марксистской точки зрения, которая, как выразился Ленин, сделалась предметом искажений, получивших «неслыханную распространенность». Для «восстановления истинного учения Маркса о государстве» он привел целый ряд длинных цитат из собственных сочинений Маркса и Энгельса о государстве как «продукте и проявлении непримиримости классовых интересов», как «органе классового господства, органе угнетения одного класса другим», как «органе эксплуатации угнетенного класса», имеющего, однако, «отмереть» с исчезновением классов (именно отмереть, а не быть отмененным, что можно сказать только о буржуазном государстве во время пролетарской революции). Благодаря такой постановке вопроса, Ленин собрал здесь большой материал, касающийся не только чисто теоретических рассуждений Маркса и Энгельса, но и их отношения к европейским революциям, начиная с 1848 г., причем выдвигается вперед не только

теория, но и практика революций, особенно интересовавшая автора. Книжка писалась летом 1917 г., и, издавая ее уже после октября, Ленин в послесловии к ней написал, что «приятнее и полезнее опыт революции проделывать, чем о нем писать». В «Государстве и революции», как и в «Пролетарской революции», он вел борьбу с теми, которые, называя себя марксистами, «из марксизма явными софизмами выхолащивали его революционную живую душу, в марксизме признают все, кроме революционных средств борьбы», — направление, которое он назвал, между прочим, «струвизмом». Во второй книжке Ленин выступал уже защитником не только марксистской теории, но и практики, которую считал по-настоящему марксистской.

Эта практическая сторона настоящего, как его понимал Ленин, а не искаженного «ренегатскими» толкованиями марксизма вообще доминировала во всех его произведениях, писавшихся в защиту надлежащим образом понимаемого марксизма. Ленин был больше его апологет, чем его исследователь, а потому и оставил гораздо меньше материала для дальнейшей разработки теории, чем Плеханов, который, наоборот, как политический деятель, с точки зрения Ленина, вошел в группу «социал-фашистов» вместе с Каутским в Германии, с Гедом во Франции, Вандервельде в Бельгии и другими видными социалистами всех стран. Весьма естественно, что при такой исключительной ортодоксальности Ленина представленное им направление марксизма получило название «ленинизма».

Ленин не разрабатывал отдельных вопросов марксистской социологии, но никто так интегрально, во всей совокупности, и так ортодоксально не воспринимал марксизма с его материализмом и диалектикой, с его экономическим объяснением истории и сведением последней к борьбе классов, с его теорией ценности,

с его учением о социальной революции и о диктатуре пролетариата, с его коммунизмом и интернационализмом. Социология экономического материализма не выделялась им как особая доктрина из общего комплекса. «Если, — писал Ленин в своей статье о Марксе в «Энциклопедическом словаре» Граната (т. 28), — материализм вообще объясняет сознание из бытия, то в применении к общественной жизни человечества материализм требовал объяснения общественного сознания из общественного бытия», т. е. для него социология вытекала из философии, экономизм первой из материализма второй. Исходя из такого взгляда, Ленин отвергал всякую иную социологию. «Домарксовская социология и историография, — писал он в той же словарной статье, — в лучшем случае давали накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса». Отсюда происходил и его глубокий индифферентизм ко всем немарксистским направлениям современной социологии. Ею он не занялся в такой же мере, как философией в период борьбы с теми марксистами, которые обосновывали марксизм не на материализме. Высоко ставя Плеханова, Ленин, однако, не находил в нем надлежащего понимания диалектики как марксистской теории познания, а политику его отверг как «социал-фашистскую». Вот этими своими интегрализмом и ортодоксализмом он и оказал наибольшее влияние на дальнейшее социологическое мышление. Один из авторов общих руководств по экономическому материализму (И. Ф. Куразов: «Исторический материализм», 1929), насчитав двадцать два пункта, по которым Лениным было внесено что-либо новое по теории и практике марксизма, называет пять, относящихся к экономическому материализму, но между ними нет ни одного по основному тезису о базисе и надстройке. Вот почему у позднейших излагателей теории сравнительно редки были ссылки на мнения Ленина, хотя они и являлись проникнутыми его общим духом.

Среди экономистов, усвоивших марксистскую точку зрения, хотя не в одинаковой мере, особенно выдвинулись еще до революции Маслов и Солнцев, оба ставившие себе социологические задачи и оба одновременно сделавшиеся действительными членами Академии наук.

Более решительным марксистом заявил себя в области политической экономии Петр Павлович Маслов [1867—1946], познакомившийся еще в ранней молодости с трехлетним тюремным заключением, бывший в середине последнего десятилетия прошлого века редактором первого легального, но недолговечного марксистского органа в России («Самарский вестник»), в котором, кроме Струве и Туган-Барановского, сотрудничал и Ленин, и в конце концов эмигрировавший за границу, откуда вернулся только в 1913 г. Главной своей теоретической темой он сделал учение о развитии производительных сил и о его влиянии на разные формы и типы хозяйств и на перераспределение последних между разными отраслями производства. Самым важным общим трудом Маслова является его «Теория развития народного хозяйства» [СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1910], где, между прочим, им была дана оригинальная социологическая схема строений экономического развития. Автор прямо дал этой своей книге, бывшей переведенной на немецкий и на французский, подзаголовок «Введение в социологию и в политическую экономию». Более популярное изложение своей эволюционной схемы он дал в «Курсе истории развития народного хозяйства от первобытных времен до XX столетия» [СПб.: «Жизнь и знание», 1914], выдержавшем несколько изданий, причем к иллюстрации теоретических положений на конкретных примерах был привлечен большой исто-

рический материал. Основные социологические воззрения Маслова были им изложены также в двухтомном учебном пособии «Наука о народном хозяйстве» (1920—1923).

В начале 1929 г. Маслов сделался действительным членом Академии наук СССР[13].

Не столь близкую к ортодоксальному марксизму позицию занял Сергей Иванович Солнцев [1872—1936], книга которого об общественных классах, бывшая его докторской диссертацией, была уж рассмотрена в главе о социологах начала XX в. Солнцев начал свою научную деятельность еще в студенческие годы, когда произвел одну статистическую работу на тему, предложенную юридическим факультетом Петербургского университета, получив за нее медаль и возможность видеть ее напечатанной в одном сборнике (1903). Уже в этой студенческой работе компетентные люди усматривают «марксистскую методологическую установку»[14], на которой [он] удержался и впоследствии, занявшись преимущественно вопросами распределения как в магистерской своей диссертации о заработной плате (1911), так и в докторской об общественных классах (1917), целиком относящейся к области социологии. О социальном же распределении и о социальных классах он поместил статьи в «Энциклопедическом словаре» Граната. Докторская диссертация Солнцева была издана в Томске, где он занимал кафедру политической экономии, но в [1920 г.] он перешел в Петербург. Здесь он издал в 1923 г. переиздававшуюся не раз книгу «Введение в политическую экономию», посвященную «предмету и методу» этой науки, где при разрешении вопроса о них «весьма близко подошел к марксизму», по отзыву одного из компетентных в данном случае лиц[15]. В 1929 г. Солнцев был избран в действительные члены Академии наук СССР.

Последнему из названных трудов Солнцев придал не только вообще методологический характер, но и сильно социологическую окраску, рассмотрев в нем ряд чисто социологических воззрений, между прочим, и новейших русских социологов, каковы Сорокин и Тахтарев[16]. Его особенно заинтересовал в первом отделе труда вопрос о том, что такое «социальное явление» вообще и в частности экономическое явление с точки зрения разных направлений социологии. Между прочим, он подверг критике психологическое направление, пришедши к тому выводу, что «психическое взаимодействие между индивидами составляет необходимую предпосылку для возникновения социального явления», но что «далеко не всякие акты такого взаимодействия приводят к социальному явлению». Психологистам он противоположил писателей, искавших основу общественности во внешних условиях и отношениях, из которых, однако, ни у кого из них эта точка зрения не была выражена так «выдержанно и полно», как у Маркса. Однако у психологистов Солнцев сам взял в качестве «необходимых предпосылок» «сталкивающиеся психики, сталкивающиеся желания, цели, интересы», т. е. психическое взаимодействие, но, подчеркивал он, общение между людьми заключается не в одном только последнем, и кроме психологической обусловленности, есть еще другая обусловленность, чисто социальная, заключающаяся в особой связанности общественных отношений, в объектировированности связи между индивидами вне их самих и их сознания. Таким образом, необходимыми предпосылками для наступления социального являются обусловленности «естественно-техническая», как Солнцев обозначил эту вторую, и психологическая. Для данной темы в его книге особенно важна небольшая глава под названием «Экономика и психология». Из факта обусловленности социальных явлений психическим

взаимодействием отнюдь не вытекает сведение изучения этих явлений к изучению психического, так как объектом социального познания являются социальные явления как таковые. «Психология может служить политической экономии в роли лишь вспомогательной науки», но такой же характер могут в данном случае иметь и науки естественные и технические. Нужно прибавить, что Солнцев не игнорировал методологических заслуг Конта в деле изучения общественных явлений. Наконец, он не обошел молчанием и вопроса об «этическом субъективизме», высказавшись против него, находя, что в объективизме «устранение личности из социального анализа является лишь средством более полного, более точного и более надежного познания».

В рассматриваемый период на сторону экономического материализма из прежних юристов-социологов стал Н. А. Гредескул, о котором уже шла речь выше, в главе о юристах-социологах, равно как и в настоящей. В его лице марксизм сделал тем более важное приобретение, что в начале своей деятельности он выступал решительным противником учения, к которому теперь примкнул. В 1905 г. Гредескул прочитал в Харькове публичную лекцию и издал ее отдельной брошюрой под заглавием «Марксизм и идеализм», в которой присоединился к оппонентам экономического материализма, усмотрев в нем только «идейное поветрие», «заразительную болезнь», «эпидемию среди русского общества и русской молодежи». Это направление, однако, казалось ему тогда начавшим «быстро сбывать», прямо «уступившим место совершенно иным, прямо противоположным учениям», т. е. идеализму. В своей брошюре Гредескул воздерживался от полемического тона и даже находил в основной идее экономического материализма «много справедливого», видел во внесении в историческую науку экономического

взгляда «несомненную и крупную заслугу Маркса». Он соглашался «с важностью и даже с первостепенной важностью экономического фактора в истории человечества», но отвергал «полную зависимость идейных факторов от экономического» и материалистическое понимание мира Марксом. В своем изложении наибольшее развитие автор дал первому из этих двух пунктов, стараясь доказать, что «экономический фактор есть такой же идейный фактор, как и государство, право, наука, религия, искусство и пр.», хотя на деле более говорил о психологичности, а не об идейности этого фактора. По отношению к праву и государству он приходил, однако, «к выводам, очень близким к схеме Маркса», видя, впрочем, в них не «надстройку», а вместе с экономикой «постройку» для удовлетворения человеческих потребностей. Но даже соглашаясь с надстроечностью религии, науки, искусства, этики, Гредескул обосновал ее только на «живой человеческой психике, самоцельной и самоактивной». Таким образом, марксизм им частично принимался, между прочим, даже в его «схеме и терминологии», но исходная его посылка была отвергнута, и материализму решительно был противопоставлен идеализм, «устанавливающий суверенитет, верховенство духа» и принцип самоцельности личности с оговоркой, впрочем, в пользу общественности[17].

Позиция, занятая Гредескулом по отношению к марксизму, была уже тогда, таким образом, двойственная: одно им принималось, другое отвергалось, как это, впрочем, было и с другими, склонными к принятию отдельных элементов экономического материализма в свой социологический синтез. После революции он начал работать в марксистских изданиях. Об одной из его статей о трех видах эволюции было уже сказано выше.

В журнале «Под знаменем марксизма» за 1927 г. [№ 2—3] появилась статья Гредескула «От обезьяны

к человеку», рассматривавшая «положение вопроса в естествознании и марксизме» с особым указанием на важность этого вопроса для социологии. В ней автор выдвинул вперед написанную еще во второй половине семидесятых годов, но только через полвека сделавшуюся известной в печати работу Энгельса «Роль труда в процессе очеловеченья обезьяны», входящую в состав его «Диалектики природы». Автор критикует психологическую школу в социологии, которая, по его словам, «уводит человека из животного царства», «трактует человека как духовное существо, все действия этого существа выводит из психики», игнорируя человеческую плоть с ее «материальными соотношениями». Нельзя не признать такую характеристику психологического направления преувеличением и, следовательно, искажением. И это направление стояло на той точке зрения, что и марксизм, хотя и не сливающий социологию с биологией, «не топящий первую в последней», но и «не открывающий социологию без биологии», не строящий первую «без биологических корней». Но мысль Энгельса о, так сказать, трудовом происхождении очеловечения обезьяны действительно является важным приобретением социологии.

В 1929 г. Гредескул издал первый том своей книги «Происхождение и развитие общественной жизни», целиком посвященный «биологическим основам социологии», где он вернулся к тем вопросам о взаимоотношениях между биологией и социологией, об органическом развитии и о дарвинизме в социологии и о животной общественности, которые занимали первых русских социологов. Многое в его соображениях повторяет их основные идеи касательно развития, с одной стороны, индивидуальности, с другой — солидарности, которая у автора называется «общностью», «товариществом», на высшей ступени развития — коммунизмом. Подобно своим предшественникам Гредескул

признавал человеческую общественность прямым продолжением стадной общественности, особенно развив ту мысль, что «общественность и общественная жизнь есть исконный и важный фактор животной эволюции», и притом эволюции прогрессивной. В числе приобретений, сделанных от своей общественности стадными животными, автор достаточно выдвинул вперед область чувств, эмоций, что ввело в круг поднятых им вопросов чисто психологические соображения. Уже у стадных животных имеется особое общественное чувство, основа человеческого чувства, «только выдвинутого в более сложную и более развитую умственную атмосферу». По своей теме эта книга близко подходит к большой статье Лаврова «До человека». Но Гредескул высказался в своей книге решительным противником старой социологии, что характеризует, можно сказать, общее отношение представителей экономического материализма ко всей немарксистской социологии. «Социологические теории до исторического материализма, — говорит Гредескул, — вели, если так можно выразиться, призрачное существование. Они очень плохо, недостаточно, искаженно, в лучшем случае лишь частично верно схватывали действительность... Они оставались в чистой идеологии или фальшивыми голосами подпевали действительности, вместо того чтобы ее преобразовывать... Теории и оставались теориями и не влияли на действительность, как это подобает истинной теории; они не воплощались в жизнь, они оставались над жизнью, присутствовали в надстройке, но не переходили в постройку жизни».

III. Переходим к историкам-марксистам.

В главе об отношении наших историков к проблеме социологии мы видели, до какой степени последние игнорировали социологию. Можно даже сказать, что

в громадном большинстве случаев они и не стремились к какой-либо общей теории исторической эволюции, довольствуясь некоторыми общими положениями, разделявшимися большинством специалистов данного времени. До самого последнего времени, приблизительно до последних десяти—пятнадцати лет перед революцией 1917 г., на историко-филологических факультетах даже не было систематического преподавания общей теории истории, а когда ее более или менее ввели, то в виде исторической методологии, в более тесном смысле теории исторического знания, взятой с технически формальной стороны, в смысле учения об источниках, критик их подлинности и достоверности, о вспомогательных дисциплинах, служащих истории и т. п., а не со стороны философско-социологической, самостоятельно интересовавшей очень немногих историков. Мы видели также, как мало участвовали у нас историки в социологической литературе, хотя бы по сравнению с юристами. Одним словом, историки и социологи были у нас донельзя разобщены, а в иных случаях социологические устремления историкам их сотоварищи ставились в минус. Такое разъединение социологии и истории прекратилось с появлением у нас историков-марксистов, т. е. с началом усвоения частью русских историков идеи экономического материализма. В данном случае мы имеем дело с прямым влиянием определенной социологической доктрины на историографию. Было бы, однако, ошибочно думать, что те из наших историков, которые еще до начала проповеди у нас экономического материализма уже более или менее определенно подводили экономический базис под общественный строй, испытывали на себе влияние именно теории Маркса. На таких историков действовало, прежде всего, общее сознание важности экономической теории. Во второй половине XIX в. уже нельзя было думать, как это наивно думал

Грановский, что политическая экономия важна только для историков, занимающихся Новым временем. Сама общественная жизнь обнажала хозяйственную подпочву исторического бытия и развития, но, являясь в некоторой мере предшественниками у нас экономических материалистов, эти историки не обобщали своего тяготения к изучению данной стороны жизни и не формулировали никакой социологической истории. Говоря это, я имею в виду Ключевского, Виноградова, Виппера, Петрушевского и Е. В. Тарле, историков с особенно заметным экономическим уклоном, одних более далеких от экономического материализма, других более к нему близких. В своем месте мы даже видели, как относились некоторые из названных историков к экономическому материализму.

Историки, усвоившие марксистскую доктрину, появились в России еще до революции 1917 г., а после революции число их умножилось в связи с общим направлением, какое приняли как общественная жизнь, так и гуманитарное образование. Как для философии был создан специальный орган «Под знаменем марксизма», так для истории стал выходить в свет «Историк-марксист». Возникли и марксистские институты для изучения истории и подготовления будущих специалистов-историков, т. е. исследователей и преподавателей.

Среди русских историков-марксистов особенно выдвинулся Михаил Николаевич Покровский [1868—1932], могущий быть названным главой марксистской исторической школы[18].

Покровскому как специалисту по русской истории принадлежит громадный ряд общих трудов и частных исследований, в числе которых особое место занимают его историко-теоретические работы и критические разборы немарксистских исторических и философских воззрений как в русской, так и в иностранной литературе.

Среди его методологических и исторических работ с методологическим характером выделяются вышедшие еще в 1906 г. «Идеализм и законы истории»[19], «Идеализм и мещанство» и «Экономический материализм».

Последняя из этих работ имела несколько изданий и была переведена на иностранные языки. Далее к той же категории принадлежит «Строго научный метод» в книге «О влияниях времени» — 1908, «Маркс как историк» — 1918, «Борьба классов и русская историческая литература» — 1923, «Марксизм и особенности исторического развития России» — 1925, «Задачи Общества историков-марксистов» — 1926.

Влияние исторических идей Покровского распространилось и на постановку всего исторического преподавания как в высших учебных заведениях, так и в школах обеих ступеней, будучи положено в основу всех его программ, учебных руководств и пособий, причем им издана была для этого «Русская история в самом сжатом очерке», явившаяся популяризацией его крупных трудов — четырехтомной «Русской истории с древнейших времен» (1909) и двухтомного «Очерка истории русской культуры». К этой стороне деятельности Покровского относятся его публикации: «Марксизм в школе» — 1923, «Марксизм в программах трудовой школы I и II ступени» — 1924, «Историзм и современность в программах школы II ступени» — 1927, кроме еще редактирования сборника «Обществоведение в трудовой школе».

Историческую концепцию Маркса Покровский изложил в популярной брошюре «Экономический материализм», написанной еще в начале его литературной деятельности [СПб., 1906] и неоднократно издававшейся после революции. Под экономическим материализмом он понимал только «объяснение всех исторических перемен влиянием материальных условий, материальных потребностей человека», отличив от него

марксизм, кроме того, и учение о классовой борьбе как «движущей силе истории». В этой брошюре Покровский не столько философски (гносеологически) обосновал данную доктрину, сколько подтверждал ее историческими иллюстрациями, полемизируя с историческим идеализмом, хотя и не без такой оговорки: «Экономическая обусловленность всех исторических фактов нисколько не мешает тому, что непосредственно та или другая перемена может быть результатом сознательного действия людей, т. е., вульгарно выражаясь, результатом влияния идей», только сами-то идеи все-таки суть «не что иное, как отражение экономики в человеческом мозгу». То же рассуждение применено было Покровским к вопросу о роли личности в истории, раз индивидуальные особенности исторических деятелей бывают им «безошибочно продиктованы экономикой их времени». Покровский не забыл упомянуть и о диалектизме марксизма, но не дал большого развития этой стороне учения Маркса.

Другим видным представителем экономического материализма в русской историографии был Николай Александрович Рожков [1868—1927][20]. Его имя уже приходилось упоминать выше, во-первых, как историка, примкнувшего к социологическому движению, во-вторых, по поводу его раннего взгляда на экономический материализм. Мы видели в своем месте, что Рожков в конце прошлого века (1898) далеко не был марксистом. Он тогда не усматривал в нем законченной системы, подчеркивал разногласия его сторонников, находил даже, что некоторые из них начинают высказываться против его основных положений, указывая даже на то, что исторические работы его не оправдывают, хотя и предсказывал возможность развития этой теории в будущем, возлагая особую надежду на коллективную психологию. Все эти сообра-

жения, однако, с течением времени потеряли для Рожкова силу, и он впоследствии определился как историк-марксист. Однако среди правоверных марксистов он не получил признания. С авторитетной стороны его направление было определено как марксизм вульгарный, как отход от настоящего диалектического материализма и даже названо было Покровским «рожковщиной».

Самым крупным трудом Рожкова была двенадцатитомная «Русская история в сравнительно-историческом освещении», первый том которой вышел в свет в 1919 г. На одной из первых же страниц первого тома этого произведения Рожков заявлял следующее: «Нет изречения, которое было бы более ошибочным, чем то, которое гласит, что история не повторяется. Напротив, история постоянно повторяется не в меньшей степени, чем явления жизни в природе». Кладя в основу своего труда мысль о существовании некоторой, обязательной для всех народов, схемы развития, он, так сказать, отражал бывшее у нас очень распространенным мнение, будто бы обоснованное Марксом, что все народы идут по совершенно одинаковым путям и что потому исторически отсталые народы могут как бы видеть собственное свое будущее, знакомясь с историей более вперед ушедших народов. Такой взгляд был, между прочим, выражен Михайловским, что, как известно, в 1877 г. вызвало письмо Маркса в редакцию «Отечественных записок», где он протестовал против подобного понимания его учения как «теории, которой должны фатально подчиняться все народы», так что в данном случае Рожков совершенно отступал от настоящего марксизма[21]. Став на такую точку зрения, Рожков устанавливал девять стадий развития, которые, по его представлению, должна проходить история каждого народа: 1) первобытное общество, 2) общество дикарей, 3) дофеодальное, 4) феодальная революция,

5) феодализм, 6) дворянская революция, 7) господство дворянства, 8) буржуазная революция и 9) капитализм. Его труд должен был доказать верность этой схемы параллельным изложением исторической эволюции России и других стран. В таком представлении дела историческая наука утрачивала самодовлеющее значение и делалась только материалом для построения социологии. Произвольность как самой схемы Рожкова, так и подведения под нее отдельных фактов прямо бросалась в глаза историков и была отмечена, между прочим, товарищами Рожкова по марксизму[22].

Если экономический материализм сделался социологическим каноном для историков-марксистов, то это еще не значит, что все эти историки и верно его стали понимать или, даже верно понимая, правильно его применять на деле. Сам марксист, профессор экономического материализма Н. Н. Андреев в статье своей «Методические проблемы истории» (в «Записках научного общества марксистов») на целом ряде примеров показал существование среди историков-марксистов множества противоречий как по частным, так и по общим вопросам исторической науки. Между прочим, он отметил как одну из причин этого «неразработанность марксистской исторической методологии», «отсутствие у большинства историков-марксистов методологической подготовки». Взять хотя бы вопрос о взаимных отношениях истории и социологии: в то время как одни проводят резкую грань между обеими науками (например, Бухарин), другие их отождествляют (Рожков). Этому разногласию Андреев посвятил значительную часть статьи, сопоставив взгляды таких авторитетов, как Плеханов и Бухарин, которые, различая между историей и социологией, только верно передавали мысль Маркса и Энгельса, тогда как авторы, смешивающие социологию с историей, ничем

марксистски не могли бы защитить свою точку зрения. Та же проблема составила содержание книжки Андреева «К вопросу о понимании закономерности в истории» с подзаголовком «Социологический этюд» (1925). Правильно сам различая социологию и историю, он определенно признал ошибочным мнение, будто «к социологии можно прийти только через историю», потому что «историк подходит к изучаемому им материалу уже с готовыми социологическими идеями». «Беда, — верно еще замечает Андреев, — только в том, что выработка этих взглядов приобретается не научным путем, а представляет собой осадок от разрозненных наблюдений над жизнью людей и от собственного житейского опыта». Отсюда он сделал тот вывод, что «выработка основных социологических положений должна быть делом особой, специальной научной работы», притом, по его мнению, не только на основании одного только обращения к прошлому, т. е. к истории, но и на основании изучения современности как совокупности социальных явлений, доступных непосредственному наблюдению.

Между тем мнение, несогласное с основной идеей Андреева, мы находим даже у Покровского, который писал в «Очерках истории русской литературы»: «Мы не видим никакой разницы между культурной историей и социологией», ибо «и та и другая отыскивают законы развития человечества как создателя культуры». В данном случае автор этой фразы расходился с Лениным, различавшим обе науки и проводившим аналогию между философией, имеющей дело со всей действительностью, и социологией, занимающейся только действительностью общественной[23]. Вообще лишь немногие высказывались за изгнание самого термина «социология» из марксистского словаря, утверждая, что экономический материализм вовсе не какая-то социология, а методология, и притом изучения

не одной истории, но и всех вообще социальных наук, получающих отсюда свои руководящие принципы.

Особое развитие в марксистской литературе получила систематическая разработка теории экономического материализма, на недостаточность которой постоянно указывали ее критики и которая вместе с тем вызывалась потребностями академического ее преподавания. С начала двадцатых годов стали выходить в свет большие, подробные руководства по экономическому материализму, которые все примыкали к систематизации, начатой в «Основных вопросах марксизма», на которые в этой новой литературе делались постоянные ссылки и откуда часто приводились цитаты, хотя как целое произведение эти книги подвергались критике со стороны и изложения и содержания, слишком полемического и недостаточно систематичного. Впрочем, и первый из трудов, подлежащих теперь нашему рассмотрению, тоже отличался резким полемическим тоном. В данном отношении составители общих курсов по экономическому материализму исполняли совет Ленина тщательно изучать философские работы Плеханова как наилучшие во всей международной марксистской литературе.

IV. Наиболее обширные общие труды по экономическому материализму были написаны Бухариным, Разумовским и Оранским, из которых первый играл одну из очень видных ролей и в политике.

Николай Иванович Бухарин[24] [1888—1938], являющийся не только ученым теоретиком, но практическим политическим деятелем, получил высшее образование, главным образом, находясь в эмиграции, где, кроме слушания лекций в Венском университете по политической экономии, работал еще в различных библиотеках не только Западной Европы, но и Америки (Нью-

Йорк), начав там же, за границей, свою литературную деятельность на немецком языке (в социал-демократическом органе «Neue Zeit»). Кроме политической экономии Бухарин занимался уже тогда философией и социологией. После октябрьской революции он возвратился в Россию и деятельно работал теоретически и практически над вопросом текущего политического момента, в то же время занявшись преподаванием в Свердловском коммунистическом университете (в Москве) и в старом Московском. В начале 1929 г. был избран в Академию наук СССР.

Книга Бухарина «Теория исторического материализма» [популярный учебник марксистской социологии. — М.; Пг.: Госиздат, 1922], по его собственным словам, родилась «из дискуссий в семинарии», ведшемся им в Свердловском университете, предпринял же он составление ее потому, что «эта основа основ марксистской теории не имела систематического изложения», если не считать бывшей единственной попыткой такого изложения книжки Г. Гортера[25]. Все другие работы, даже лучшие, Бухарин называет здесь только «соприкасающимися с теорией исторического материализма».

Вторым у нас систематизатором этого учения выступил И. П. Разумовский[26], в своем «Курсе теории исторического материализма» [1924] тоже отмечающий, что такой «несравненный теоретик», как Плеханов, «имел слишком мало времени для чисто академического изложения основ материалистической философии и социологии», придавая своим писаниям характер резкой полемики с противниками марксизма. И эта книга образовалась из записи лекций, читанных автором в Саратовском университете еще в [1920] г. Первое ее издание вызвало не особенно одобрительные отзывы в печати, что заставило Разумовского переработать ее и в этой переработке ее значительно расширить. Автор назвал уже свой труд «курсом», прямо указав в предисловии, что «ориентировался» на старших студентов, желая удовлетворить их потребности в «учебном пособии» философско-методологического характера. Курс Разумовского, как и книга Бухарина, не ограничивается одной социологией, но поднимает ряд вопросов философского и методологического характера, решая их в духе диалектического материализма.

Наоборот, третий систематизатор экономического материализма, профессор Политехнического института имени М. И. Калинина Оранский ограничил содержание своего труда одним обществоведением, в соответствии с чем назвал его «Основными вопросами марксистской социологии» (1929 [Т. 1]), равным образом отнесшись к экономическому материализму как к «предмету преподавания в высших учебных заведениях».

Все трое они не ставили себе задачей изложение одних общепринятых взглядов, — тем более, что по многим пунктам таковых и не было, — а желали вносить в теорию экономического материализма свои поправки и дополнения. Бухарин прямо заявил в предисловии, что «всюду и везде продолжая традиции ортодоксального, материалистического и революционного понимания Маркса», он «в некоторых довольно существенных пунктах отступает от обычной трактовки предмета», а в других «не ограничивается уже известными положениями», а развивает их дальше. Было бы странно, вполне резонно прибавляет он, если бы «марксистская теория вечно топталась на одном месте». Разумовский тоже желал удержаться на «правильной и единственно ортодоксальной точке зрения», подчеркивая необходимость для каждого автора занять свою позицию в целом ряде вопросов теории ввиду возникших в марксистской среде разногласий. Не иным можно назвать отношение к своей задаче и Оранского как автора

тоже собственного построения марксистской социологии. Таким образом, все три автора засвидетельствовали свою марксистскую ортодоксальность, оставив за собой свободу личного толкования. Общая черта всех трех трактатов заключается еще в том, что в них приводится более или менее богатая литература по отдельным вопросам философии и социологии, но обыкновенно игнорируется вся прежняя русская социологическая мысль, хотя в ней авторы могли бы найти много для себя важного по отдельным поднятым ими вопросам. Даже в своем обзоре главнейших направлений современной социологии, включенном в «Основные вопросы марксистской социологии», Оранский не упомянул ни об одном русском представителе или критике ни одного из этих направлений, как будто их вовсе и не существовало, как будто у них совершенно нечего было бы искать. Из русских критиков экономического материализма едва названы один-два. Бухарин в своей книге ни единым словом не обмолвился о каких бы то ни было взглядах русской социологии. Разумовский в «субъективизме» последней увидел только «повторение задов философской теории, ведущей свое происхождение еще от Конта», — нечто аналогичное в прошлом взглядам братьев Бауер, а в дальнейшем идеям Виндельбанда и Риккерта. Самый «субъективизм» этот истолкован был им в том смысле, как будто «субъективисты» ограничивались лишь такими общественными отношениями, которые, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей, и игнорировали такие, которые складываются, не проходя через сознание. Оранский в разборе психологического направления социологии останавливается только на взглядах иностранных писателей, говоря же о направлениях органическом и дарвинистическом, обходит молчанием русских критиков обоих направлений.

В вопросе о социологии Бухарин, Разумовский и Оранский заняли одну и ту же позицию, взяв даже на себя защиту права социологии на существование против марксистских же отрицателей этой науки. Определяя социологию как общее учение об обществе и законах его развития, Бухарин справедливо заметил, что значение теории исторического материализма как метода для истории отнюдь не уничтожает ее значения как социологической теории, поскольку более абстрактные науки очень часто дают точки зрения наукам менее абстрактным. Аналогичную мысль высказал и Разумовский, рассматривающий данную теорию не только со стороны метода, и но и со стороны того материала, к которому прилагается метод, т. е. в применении вообще к обществу и к совершающемуся в нем историческому процессу.

Оранский равным образом подчеркнул, что экономический материализм в смысле метода не есть, конечно, методология, указывающая на технические приемы научного исследования, а является теорией, которая дает некоторые руководящие познавательные принципы путем установления общих законов, необходимых для изучения частных явлений. Как было уже обращено внимание читателя, он прямо озаглавил свой трактат «Основные вопросы марксистской социологии».

Это признание за историческим материализмом значения социологической теории выдвигалось последователями своими в общий ряд социологических теорий как одна из них, хотя бы, с их точки зрения, и являющаяся единственно верной. Если Разумовский в очерке развития теории, составляющем последнюю главу его книги, начинает с Маркса и Энгельса, лишь слегка коснувшись их социалистических «предтеч», то Оранский уже посвятил две первые главы своего труда обзору возникновения социологии и главнейших со-

временных ее направлений. Родоначальником разных течений позитивистской социологии здесь назван был Огюст Конт, и все дальнейшее ее развитие обозначено было послеконтовским, поскольку все ее направления были представлены только разветвлениями движения, вышедшего из одного корня. Указывая, разумеется, на полную независимость Маркса от родоначальника старой социологии, Оранский не счел, однако, возможным отрицать известное родство между марксизмом и «контизмом» как учениями, возникшими на общей основе.

В общем, представители марксистской социологии, так же как и Аксельрод, квалифицировали немарксистскую социологию как буржуазную, а Бухарин включил в свою книгу целый параграф, где проводится та мысль, что «пролетарская общественная наука выше буржуазной», что она и глубже, и шире, и дальновиднее. Особенно они высказались против психологизма в социологии, видя в нем как бы повторение старинной ошибки механицистов, смотревших на общество как на простую сумму составляющих его индивидов, т. е. понимавших общество атомистически. В частности, они вооружились и против теории факторов, приурочивающей к каждой из человеческих потребностей определенный круг общественных явлений, как результат влияния той или другой потребности на поведение людей. Попутно они напали на критиков исторического материализма, увидевших в последнем не что иное, как только одну из разновидностей теории факторов, в которой только выдвигался на первый план фактор экономический. В глазах рассматриваемых авторов, коллективная психология, занимающаяся психическим взаимодействием между людьми, не спасает положения, причем критики отметили, что исключительно такой подход к социологии сводил бы ее целиком к этой коллективной психологии. Социология

имеет дело не с индивидами, хотя бы и взаимодействующими между собой, но с группами, основы существования которых нужно искать вне психики.

С гораздо большим сочувствием эта критика немарксистских теорий отнеслась к органической школе, которой ею вменялось в заслугу «рассмотрение общества как некоторого органического целого» (Разумовский), хотя данная школа и делала ошибку, поняв социальный организм по аналогии с индивидуальным, а не в качестве целого особого порядка. Результатом этой ошибки была полная бесплодность органической теории для понимания конкретных общественных явлений, повлекшая за собой и провал теории, во всяком случае обусловившая меньший ее кредит, чем кредит психологической теории. Дарвинистическое направление социологии, переносившее без всяких оговорок на человеческое общество все законы борьбы за существование, сформулированные Дарвином, также было отвергнуто марксистскими критиками. Экономический материализм кладет во главу угла социологии также борьбу, но не между разными животными видами и не между отдельными особями одного и того же вида (т. е. в применении к человеку не между отдельными индивидами, входящими в состав общества), а между их группами, существующими в обществе. Как ни противоположны одно другому психологическое и биологическое обоснования социологии, авторы трактатов нашли, что оба направления сходятся на положении, что свойства социального целого определяются свойствами индивидов, входящих в его состав. Для такой атомистической по своему существу социологии изменения в общественной структуре зависят от изменений человеческой природы, которые, в свою очередь, происходят под влиянием внешней среды, хотя никто из социологов не мог указать в среде, окружающей человека, таких сторон, изменение которых без всякого

человеческого воздействия отразилось бы на общественном развитии. Социологам, пожалуй, оставалось бы только сослаться в природе лишь на одно общее явление, могущее повлечь за собой общественные изменения, именно на рост населения, но ведь и сам-то рост этот зависит от социальных же условий. Подвергая такой критике домарксистскую социологию, некоторые экономические материалисты, — из тех, собственно говоря, которые не замыкаются строго в тесном кругу марксистских идей, — обратили, однако, внимание на то, что за более близкое к нам время все больше и больше социологов иных направлений стали интересоваться изучением всяких общественных группировок, указывая на таких социологов, как Дюркгейм, Зиммель, Фирканд, Готгейн, Визе в Западной Европе и Росс, Смолл, Эллвуд в Северной Америке, и совершенно так же они могли указать в русской социологии. Хотя в большинстве случаев в работах указанных писателей преобладает эмпиризм без искания цельной обобщающей теории, тем не менее в данном движении с марксистской точки зрения нельзя было не усмотреть известного приближения к правильному пониманию строения общества и законов его развития.

Определяя общество как «самую широкую систему взаимодействия, обнимающую все длительные процессы между людьми» (Бухарин), систематизаторы марксизма должны были согласиться с тем, что без понятия «психического взаимодействия» нельзя мыслить общество. Конечно, отвечая на вопрос, что является условием длительности этих взаимодействий и что должно быть признано основным типом общественной связи, без которой были бы невозможны все остальные, систематизаторы должны были указать на трудовую связь между людьми, на общественный труд или на работу людей друг на друга, и тем самым

определили эту трудовую связь как основную общественную связь. Но, спрашивал, например, Бухарин, «разве трудовая связь не есть психическая, духовная сторона, сопровождающая материальные отношения», от которых зависит место людей в обществе? Гораздо глубже вошел в рассмотрение вопроса Оранский, вообще более знакомый с немарксистской социологией и потому более подвергшийся ее влиянию. Считая невозможным отрицать ни самый факт психического взаимодействия, ни наличность множества его форм в обществе и только оговариваясь, что такое взаимодействие само предполагает существование некоторой группы совместно живущих людей, Оранский признал тем не менее, что «общество не исчерпывается одними производственными отношениями», поскольку «существует ряд действий и отношений, не сводящихся непосредственно к производству, но безусловно необходимых» для самого этого производства, и что «всякое отношение между людьми, как существами, наделенными сознанием, может устанавливаться при посредстве человеческого сознания», или, что то же, психического взаимодействия. Оно не просто «сопровождает» материальные отношения, как полагает Бухарин, а только одно и делает их возможными, и если не в нем, по Оранскому, нужно искать причину объективной трудовой связи, то роль его не может быть сведена только к «промежуточному, посредствующему моменту».

Как-никак, однако, понятие психического взаимодействия оказалось допущенным в марксистскую социологию, и тем ей была поставлена новая проблема исследования взаимоотношения между физическим, или материальным, и психическим в общественном производстве, поскольку психическое в обществе содержится не только в идеологической надстройке над материальным базисом, но и в самом базисе. Безус-

ловно марксистская социология права в том, что на одной психике, на одном сознании, а тем менее еще на идеологии нельзя построить научную теорию общества. Не подлежит сомнению, что в понятиях производительных сил общества и производственных в нем отношений социология получила совершенно новый и верный исходный пункт, поскольку ими определяется структура общества и его эволюция. В данной части теории ее излагателям более всего приходилось говорить словами самих Маркса и Энгельса, менее всего предстояло что-нибудь разъяснять или чем-нибудь существенно дополнять. Самое большее, что здесь оказалось нужным сделать от себя, это опровергнуть случаи неверного понимания некоторыми критиками марксизма основных положений учения о производительных силах и производственных отношениях. Если, впрочем, Бухариным существенных дополнений к основным идеям Маркса и Энгельса сделано не было[27], с другой стороны, было отмечено, что понятие производственных отношений в марксистской литературе было разработано крайне недостаточно, как это случилось, впрочем, и с другими основными понятиями экономического материализма (Оранский).

Гораздо большей разработке у систематизаторов марксистской социологии подверглось учение об экономической структуре общества как его материальном базисе и о надстройках над ним, какими в теории экономического материализма являются другие стороны общественной жизни. Эта часть теории, т. е. выведение всей социальной (в более тесном смысле слова) и духовной культуры из указанного экономического базиса, в котором преобладающее значение принадлежит культуре материальной, или технике, была, с одной стороны, наименее разработана самими основоположниками экономического материализма, а с другой — наиболее вызывала против себя возражений

у его критиков. Последние даже самую сущность экономического материализма видели не в учении о производительных силах и производственных отношениях и о борьбе классов как движущей силе истории, а именно в данном объяснении всей культуры из одной, коротко говоря, экономики. Весьма естественно поэтому, что составителям курса экономического материализма предстояла задача более самостоятельного отношения к вопросу. Бухарин отвел ему очень много места в своем курсе, различив в обществе двоякого рода надстройки: социально-политический строй и духовную культуру. Первый из них является у него непосредственным следствием экономического строения общества с подразделением его элементов на зависящие или от одной техники, или от техники и экономики. С духовной культурой дело оказалось много сложнее, и здесь оно не обошлось без натяжек, главное же, без оговорок о зависимости всяких идеологий от экономики только «в конечном счете», «в последнем счете», «не прямо и непосредственно» и т. п., равно как без частой подмены понятия экономической основы понятиями «всей совокупности общественной жизни», «общественной среды». Бухарин признает возможность того, что элементы духовной культуры «перестают непосредственно соприкасаться с материально-производственной жизнью». Что касается до натяжек, то примером может служить включение языка в число идеологических надстроек с исключительным выведением его «из тех трудовых криков, которые вырывались при работе». Согласно с Бухариным и Разумовский установил различие между «идеологическими формами, которые стоят ближе всего к экономической основе», и такими, которые отстоят от нее далеко, «через целый ряд промежуточных звеньев», когда отражение в мысли существующих производственных отношений и классовых антагонизмов проис-

ходит «не прямо, а косвенно». Рядом с «отдаленностью религии от непосредственного процесса общественного производства» Разумовский отметил еще частичную «унаследованность ее мыслительного материализма еще до доисторической эпохи» и этим как бы приписал ей, так сказать, внеэкономическое происхождение, к чему, собственно говоря, приводит и ссылка на слова Энгельса: «Религия возникает из самых темных представлений людей о своей собственной и о внешней природе». Считая особенно важным показать, какую роль в развитии религиозной идеологии, зародившейся вовне, играет экономическая основа (техника труда, его организация и классовые интересы), Разумовский не упустил отметить воздействие ее не только на такие надстройки, как политика, право и нравственность, но и на хозяйственный строй, на классовое деление общества. Этот взгляд он распространил и на философию, связь которой с экономикой, по его выражению, «осуществляется обычно через ряд промежуточных звеньев», посредством которых «отражает на себе воздействие экономических отношений и воздействует сама на общественную жизнь». Было бы, нашел он нужным прибавить, явной вульгаризацией марксизма «объяснять происхождение данной философии непосредственно из материальных условий производства», тем более что в философии «зачастую находится и кое-какой доисторический мыслительный аппарат». Разумовский высказался и против утрирования классовой борьбы в философии. Однако, говоря о науках, он сам преувеличил их зависимость от материальных условий и потребностей и от классовых интересов. Наконец, у Разумовского и искусство представлено как надстройка, находящаяся под влиянием экономики не непосредственно, а только косвенным образом. Направляя свою аргументацию в сторону тезиса о зависимости искусства все-таки от экономики,

он не сделал никакого вывода из указания на то, что «чувство красоты и ритма, не чуждое и животным, возникло у человека уже под влиянием развития его как биологического вида и связано с инстинктом размножения и полового отбора». В общем итоге рассуждения автора «Курса теории исторического материализма» на тему об идеологических надстройках над экономическим базисом на первый план выдвинуто было влияние последнего на первый, меньше уделено внимания случаям обратного воздействия надстроек на базис и совсем затушевано внеэкономическое, внепроизводственное возникновение духовной культуры из таких психических факторов, как «представления людей о своей собственной и о внешней природе» и «чувство красоты и ритма», какую бы печать потом ни налагал социально-экономический строй на религию, философию, науку и искусство, давая им ту или другую окраску. Но особенно важно отметить, что Разумовский включил в состав экономического базиса и «сознание, интеллектуальную затрату».

Оранский в первом томе своего труда не подверг рассмотрению вопрос о базисе и надстройках, но особенно выдвинул вперед ту идею, что в основе общественного бытия лежит производство, которым у марксистов исчерпывается отношение человека к природе, как будто нет между ними обоими и иного отношения, породившего также идеологические явления, как мифология, поэзия, религия, искусство, философия, наука, поскольку последняя заключает в себе не один только...*

Общий вывод, делаемый систематизаторами марксистской социологии о базисе и надстройке, таков: сравнительно со своей первоначальной постановкой вопрос не подвинулся по существу своему вперед, и

* Здесь в тексте рукописи пропуск.

данная теорема продолжает ждать более убедительных доказательств или подлежит дальнейшему развитию уже высказанных раньше ограничений.

До некоторой степени социологическая точка зрения в изучении литературы была положена в основу теоретической части моей книги «Литературная эволюция на Западе» (1886), где, между прочим, на первый план был выдвинут вопрос о «социальном классе, или сословии, наиболее заявляющем о себе в литературном творчестве, и об идеях, интересах и традициях этого класса» и было обращено особое внимание на «переходы литературной деятельности из одного класса общества в другой» в зависимости от политических, юридических и экономических условий, в какие была поставлена писательская профессия. Книга эта появилась в такое время, когда теоретизирование в области литературы было у нас не в моде (господствовал историзм) и чисто литературным традициям придавалось гораздо большее значение, чем социальным условиям творчества (школа Александра Н. Веселовского).

Здесь уместно упомянуть, что в марксистской литературе образовалось и получило значительное развитие целое особое направление социологического искусства и литературоведения в духе экономического материализма, хотя первая мысль о применении социологической точки зрения возникла еще в конце XIX в. в книге Гюйо «L'art au point de vue sociologique» (1891)*. Некоторые общие данные об этой отрасли марксистского изучения духовной культуры даются в конце главы.

* Книга *Ж. Гюйо* «Искусство с точки зрения социологии» переводилась на русский язык (1-е изд. — СПб.: Изд-во Пантелева, 1891; 2-е изд. — СПб., 1900). См. отклик на нее Е. Тарле (Мир Божий. — 1901. — № 2).

Неизмеримо более основательную разработку в общих курсах экономического материализма получило учение об общественных классах, притом взятых не только с экономической, социальной и политической точек зрения, но и со стороны психологии и идеологии классов, т. е. той идеологии, которая имеет своим предметом социально-политические отношения, а не отвлеченные вопросы мироздания и человеческого самопознания. Следуя за Лениным, Разумовский, вообще сильно пользовавшийся здесь его идеями, в теории классовой борьбы увидел саму сущность марксистской социологии, особенно развивая мысль о надстроечном характере государства и права, а в более отдаленном, более абстрактном выражении — и нравственности. Серьезнее других отнесся к учению о классовом составе общества Оранский, между прочим, отметивший, до какой степени оказались различными в марксистской литературе суждения о классах, самые определения этого учения. Основным признаком классов является у него различное отношение к средствам производства, распределением которых обусловлено и распределение между классами как продукта, так и общественных функций. С этой точки зрения Оранский подверг критике постановку проблемы классов у социологов-немарксистов и с исчерпывающей полнотой развил тезис Маркса о классовой борьбе как движущей силе исторического процесса. От себя он дополнил это учение установкой понятий как внутриклассовых, так и междуклассовых групп, чем сильно, опираясь на существующую литературу, подвинул вперед анализ общественной структуры. Наиболее важными его оговорками явились тезисы о том, что «воля отдельного человека не абсолютно детерминирована его классовым положением» и что «одним фактом общения или материальной зависимостью от какого-либо

класса нельзя объяснить позицию целой группы», такова профессиональная группа интеллигенции. Нельзя не видеть в обоих этих положениях некоторого шага вперед в развитии марксистской социологии по вопросам о взаимных отношениях между обществом и личностью и зависимости идеологии от классовых интересов.

С самого же начала теория экономического материализма отнеслась отрицательно к роли личности в истории. Среди систем агитаторов марксистской социологии по этому вопросу Бухарин высказался в более положительном смысле: раз общество состоит из личностей, то ее действия входят как составная часть в общественное явление и отдельный человек вовсе не нуль, а некоторая сила, но, с другой стороны, мотивы деятельности людей и пределы осуществимости их целей определяются общественными условиями. «Сама отдельная личность — это точно сгусток сжатых общественных влияний, завязанных в маленький узел». Роль личности может быть и довольно велика в силу особого места, ею занимаемого, и особой выполняемой ею работы, т. е. силу и значение отдельных людей создает та особая связь, та организация, среди которой они работают. Не отрицая значения выдающихся личных способностей, Бухарин все-таки поставил на первое место положение индивида в общественной организации как члена составной части группы, класса, общества, как бы игнорируя значение личной инициативы, т. е. внутреннего психического акта. Общий вывод получился такой: развитие личности можно вывести из условий общественного характера, но отнюдь нельзя из развития личности выводить развитие общества. Личность — орган общественности, личность — нечто пассивное. Разумовский по этому вопросу больше пользовался формулировками Маркса и Энгельса,

Плеханова и Ленина, чем высказывал собственные соображения, приводя такие изречения, «что люди сами делают свою историю», что если «люди представляют собой продукт обстоятельств, то и обстоятельства изменяются именно людьми», что «в отличие от развития природы, где действуют одна на другую лишь слепые бессознательные силы, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенную цель», что «индивидуальные воли не нули, но каждая вносит свою долю в общий результат» и т. п. — все, одним словом, такие мысли, которые высказывались и субъективной социологией. Гораздо подробнее, однако, весь вопрос о роли выдающихся личностей великих людей, героев, вождей, инициаторов разрабатывался в специально посвящавшихся вопросу статьях.

Брошюра Ф. В. Сулковского «Личность в историческом процессе» (1924) исходила из идей Маркса и Энгельса, благоприятных для признания роли личности в истории. У первого автор взял то соображение, что если «люди представляют собой продукт обстоятельств и воспитания», то все-таки не следует забывать, что «обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». С другой стороны, он ссылался на Энгельса, признавшего, что в «истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели», и что «здесь ничто не делается без сознательного намерения и желанной цели». Но не более этого утверждали русские социологи, которых первые марксистские критики упрекали за преувеличенное представление о роли личности в истории, в частности, в приведенном автором соображении Маркса содержится на то мысль, которую при-

водил Лавров, говоря о взаимодействии личности и культуры, и которая была положена пишущим эти строки в основу книги «Сущность исторического процесса». Совершенно в том же смысле, в каком в только что названной книге говорится о роли личности в истории, Сулковский написал следующие слова: «Исторический процесс складывается из суммы множества человеческих воль, причем каждая из этих воль целиком сохраняет и проявляет свою индивидуальность. Таланты и гении в соответствующих условиях, при благоприятной обстановке, играют несравненно более крупную роль, чем участники рядовой человеческой массы. Но и последние ни в коем случае не могут быть отнесены к числу бессловесных созданий, являющихся только объектами исторического процесса». Поэтому, заключал автор, «марксизм не только не умаляет роли крупной личности, но и признает за каждым рядовым человеком долю влияния на исторический процесс». Наилучшим способом разобрать вопрос о роли личности в истории Сулковский признал обращение к конкретным историческим примерам, остановившись сам на Ленине и его «определяющей роли» в истории нашей революции, на его «чрезвычайном, большом, подчас решающем влиянии на ход ее событий» и коснувшись также Наполеона. «Великий человек — не пассивная, а активная сила в историческом процессе». Это уже иное истолкование марксизма, нежели то, с которым за тридцать лет до брошюры Сулковского выступал Струве.

После этого несколько затянувшегося отступления от рассмотрения книг Бухарина, Разумовского и Оранского возвращаемся к ним, чтобы остановиться еще на том, как отнеслись эти писатели к вопросу о диалектике в смысле не научно-философского метода, а закона всякого объективного бытия, всякого развития

в природе и в обществе. В их трактатах мы не находим рассуждений логического и методологического характера в направлении идей Милля, Бэна, Зигварта о познавательном значении опыта, наблюдения и рассуждения, индукции и дедукции сравнительного метода[28], но о диалектическом методе ими было сказано достаточно, причем этот способ мышления признан был важным в том отношении, что им ухватывается и диалектика самой действительности. Как в природе, так и в истории общества все движется противоречиями между обществом и природой, противоречиями внутри самого общества, т. е. между классами и группами, между производством и распределением, между идеалами и т. п. Это движение совершается скачками, т. е. в обществе революциями, хотя бы эти скачки и подготовлялись постепенным развитием. Бухарин с другими марксистами высказал мысль, что представление о постепенном развитии (эволюции) было порождено консерватизмом буржуазных ученых, что отрицание ими противоречивого характера развития покоится на их боязни революции, на затушевывании ими, из страха перед революцией, всех общественных противоречий, хотя на той же точке зрения стояли и некоторые социологи из революционеров. Разумовский поставил в основную заслугу Марксу то, что он разрешил не раздельно, а одновременно онтологический и гносеологический вопросы, не отмахнувшись от первого вопроса, как то будто бы «делают буржуазные гносеологи». Отводя вопросу о диалектике очень много места, Разумовский, однако, не остановился на применении этого понятия к изучению исторического движения, которое и было бы, собственно говоря, социологическим приложением общего учения к обществу. Значительно ближе к делу немногие страницы о диалектике у Оранского, у которого, кстати сказать, уже

имеются ссылки на «Диалектику природы» Энгельса, вышедшую в свет в 1925 г. Обращает здесь внимание противопоставление Маркса Конту. Основатель позитивизма учил, что «каждая последующая в его классификации наук область имеет свои особые, специфические законы, не выводимые из законов предыдущих наук, тогда как в диалектическом материализме частные законы отдельных областей природы не представляют собой каких-то особых знаков, а суть лишь особые проявления общих законов, обнаруживающихся в каждом соединении материи в особой, специфической форме». При этом Оранский привел еще мнение Энгельса о том, что при последовательном своем применении сама эта теория превращается «в историю, на каждой ступени которой господствуют другие законы, т. е. другие формы появления одного и того же универсального движения». Конт полагал, что на общественные явления влияют законы физики, химии, биологи и т. д. и, кроме того, к ним прибавляются особые законы социологии, но сторонники марксизма стали на ту точку зрения, что у социологии есть свои автономные законы, имеющие характер своеобразного применения в общественной жизни общих законов бытия. Социология не может быть сведена к естествознанию, ее законы не могут быть выведены из закона других наук. Нельзя не взглянуть на это как на важную поправку к социологии Конта. Нельзя, однако, не признать, что право перенесения понятия «диалектика» и диалектического понимания из сферы мышления в сферу бытия остается по-прежнему недоказанным.

Если диалектика есть только синоним постоянного движения вперед, вечного изменения, то правы экономические материалисты, ставя Марксу в заслугу историчность его теории, хотя эта историчность, конечно, отнюдь не является специальной особенностью. Другим научным качеством теории выставляется ее объективизм, отсутствие в ней какого бы то ни было теологизма, хотя последнему противоречит положение, например, Разумовского о том, что в диалектическом материализме «методология содержит не только предпосылки нашего познания, но и предпосылки нашего действия» или что «задача познания общественного целого выдвигается перед нами лишь вместе с задачей его преобразования». Не будем забывать, что экономический материализм объявляется классовой теорией[29]. Главное же, что у марксизма есть свой общественный идеал, а что же было исходным пунктом этико-социологического субъективизма, как тоже некоторый общественный идеал?

Вчитываясь в эту литературу, критик не может не отмечать по временам некоторые отступления от учения о чисто материально-экономической основе общества. «Всякий общественный строй, — говорит Бухарин, — покоится не только на экономическом основании, ибо и любая идеология, господствующая при данном порядке вещей, является скрепой, держащей этот порядок», откуда понятными делаются и такие его заявления, как то, что «предпосылкой революции является революционизирование сознания, идеологическая революция», или то, что нужна «целая психологическая или идеологическая революция, чтобы класс действительно стал против класса». Эти слова не могут не обратить внимание критики, раз их автор изгонял всякую психичность из «трудовой координации людей» (рассматриваемых как «живые машины») «в пространстве и во времени», приводя это как аргумент против возражения, что самое понятие отношения между людьми предполагает их психическое взаимодействие. В смысле отклонения от основного

тезиса экономического материализма критика не может не рассматривать и положение Разумовского: «Сознание общественного человека входит в экономический базис и вовсе не является надстройкой».

Бухарин неоднократно пользуется понятием психического взаимодействия, происходящего между отдельными членами общества, только подчиняя это взаимодействие трудовым между ними связям, составляющим «тело» общества, без которого не может существовать и «дух». Тем не менее и он в одном месте говорит о языке, науке, искусстве, религии, философии и о таких более мелких явлениях, вроде моды, обычаев, правил приличия, как «результате взаимодействия между людьми, их непрестанного общения друг с другом», а не исключительно одной трудовой связи, и к этим же всем элементам культуры прибавляет также «политическое устройство». Бухарин вводит в свою теорию понятие «общественной психологии» в смысле «области несистематизированных или мало систематизированных чувств, мыслей и настроений, имеющихся в данном обществе, классе, группе, профессии и т. д.», и лишь степенью большей систематизированности отличает от общественной психологии «общественную идеологию», под понятием которой подводит содержание науки, искусства, морали и пр. — словом, всю духовную культуру. У этой общественной психологии он различает «общие психологические черты, которые могут быть у всех классов обществ», и «психологию господствующего класса», дающую тон всей общественной жизни и подчиняющей своему влиянию другие классы, вследствие чего, оговаривается совершенно правильно Бухарин, в классовом обществе и не может быть «сплошной, единой, целостной общественной психологии». Но и психологию класса он, с другой стороны, не сводит, как это делается другими,

к его интересу, так как последним далеко не исчерпывается классовая психология, вообще отличающаяся сложностью. Самое свое различие между психологией и идеологией он объявил только как нечто условное: «общественная психология есть некий резервуар для идеологии», «идеологии — это сгустки общественной психологии». Всякая идеология есть, по его определению, продукт умственного труда, который, не будучи материальным производством, не является даже его частью. Мало того, Бухарин допускает среди идеологов существование людей, «любящих свое дело, как самих себя, и не думающих ни о какой практической стороне дела», т. е. не служащих какому-либо классовому интересу. Наконец, Бухарин признает и обратное действие идеологической надстройки на экономический базис, ибо в обществе происходит постоянный процесс взаимодействия.

В этом ряде мыслей нельзя не видеть того своего, что внес Бухарин в теорию экономического материализма. В данном вопросе Разумовский менее отступал от сделавшейся обычной трактовки предмета. Оранский тоже ограничился в данном вопросе очень немногим. Он высказался, например, против поползновения «критических», как он их назвал, марксистов дополнить экономический фактор идеологическим, т. е., в конце концов, психическим, и против сведения социологии к коллективной психологии, устраняющей самобытность экономического фактора, правильно отметив, что «в социологию все более начинает проникать убеждение о невозможности вывести социальные явления из законов индивидуальной психологии и даже из общих законов психического взаимодействия». Однако к коллективной психологии, изучающей это взаимодействие, он отнесся как к положительному научному явлению и только нашел нужным отмежевать

от нее социологию. По его мнению, социология должна «ограничиваться лишь констатированием наличности» известных переживаний вроде классового инстинкта да выявлением их социальных корней, «вопрос же о тех психических элементах, из которых слагаются эти переживания, лежит за пределами социологии и может составить предмет одного из разветвлений психологии». Оранский, как и Разумовский, не пошел за Бухариным в вопросе о существовании некоторой общей всем классам психологии и о людях умственного труда, мысли которых не диктуются их классовыми интересами, хотя им и были приведены слова Маркса и Энгельса о людях, «возвысившихся до теоретического понимания всего хода исторического движения», и Каутского о «профессиональных интеллигентах, по самой своей специальности могущих скорее, чем другие люди, переходить на сторону определенных партий под влиянием чисто теоретических соображений».

Особую категорию имеющих отношение к социологии работ в этом периоде стали составлять произведения по так называемой социологии искусства, начало которой положил Гюйо своей книгой «L'art au point de vue sociologique», немедленно переведенной на русский язык (1891). Не отнестись к искусству, включая в его область и литературу как искусство слова, с социологической точки зрения менее всего могли теоретики, ставшие на марксистскую точку зрения, с которой искусство и литература входят в состав идеологической надстройки над экономическим базисом и отражают на себе идеи, чувства, вкусы, стремления, равно как и быт, различных классов общества, — вполне законная точка, не исчерпывающая, однако, всех сторон художественного творчества во всех его видах. Последнее обстоятельство и вызвало — в

литературоведении преимущественно — оппозицию так называемых формалистов, интересующихся не только содержанием, но и формой.

---

[1] Ср. *Карев Н.* Октябрьская революция и экономический материализм [//Под знаменем марксизма. — 1927. — № 10—11].

[2] См. *Покровский М.* Задачи Общества марксистов [// Историк-марксист. — 1926. — № 1].

[3] [*Адоратский В. В.* Исторический материализм : Хрестоматия по Ленину. — М.; Пг.: Госиздат, 1925; *Горев Б. И.* Очерки исторического материализма. — Харьков: «Пролетарий», 1925; *Бухарин Н.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. — М.; Пг.: Госиздат, 1922; *Карев Н.* Исторический материализм как наука // Под знаменем марксизма. — 1929. — № 12; *Разумовский И.* Курс теории исторического материализма. — М.: Госиздат, 1924; *Куразов И. Ф.* Исторический материализм: Краткий конспект лекций. — М.; Л.: «Раб. просвещение», 1929; *Баммель Г. К.* Теория и практика марксизма: Книга для чтения по Ленину. — М.: Изд-во Ком. академии, 1925; *Сарабьянов В.* Исторический материализм. — М.: «Московский рабочий», 1923; *Тюменев А. И.* Теория исторического материализма. — Пг.: Госиздат, 1922; *Оранский С. А.* Основные вопросы марксистской социологии. — Л.: «Прибой», 1929. — Т. I; *Энгель Е.* Очерки материалистической социологии. — М.; Пг.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1923.] Автор последней книги в 1919 г. издал очень слабую в научном отношении «Социологию».

[4] Л. И. Аксельрод-Ортодокс свое изложение экономического материализма соединила с «Критикой основ буржуазного обществоведения», какое заглавие и дала своей книжке, где она, между прочим, говорит о Конте, Спенсере, Виндельбанде и Риккерте, а из русских упоминает М. Ковалевского, Михайловского (по поводу Спенсера), В. Соловьева (по поводу Конта), М. Н. Покровского (по поводу Риккерта), Лаврова (о его исторических письмах) и Кареева (по поводу Спенсера).
«Социологии как действительной науки об обществе и о законах ее развития, говорит Разумовский, буржуазия не создаст и создать не может», ибо ее «субъективизм, ее метафизичность (?)... стремятся затушевать материальные противоречия общества, оправдать капиталистическое разделение труда» и т. д. Под это определение, во всяком случае, не подходит русская домарксистская социология, отмежевавшаяся от всякой метафизики и как раз вдохновлявшаяся

идеалами социализма. [Ср.: *Аксельрод Л. И.* Критика основ буржуазного обществоведения. — Иваново-Вознесенск: «Основа», 1924. — Вып. 1.]

[5] Это были: *Карев Н.* [Общие основы социологии. — Пг.: «Наука и школа», 1919; *Мокиевский П.* Общественная жизнь людей (Социология). — Пг.: И. Р. Белокольский, 1918; *Дионео В.* О двоякой форме борьбы за существование в истории. — Пг.: «Колос», 1919; *Тахтарев К.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их отношениях и закономерностях. Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. — Пг.: «Кооперация», 1919; *Хвостов В. М.* Основы социологии. — М.: 5-я гос. тип., 1920; *Солнцев С. И.* Общественные классы. Важнейшие моменты в развитии проблемы классов и основные учения. — Томск.: Тип. лит. Т-ва печ. уезда, 1917; 2-е изд. — Пг., 1923; *Бехтерев В. М.* Коллективная рефлексология. — Пг.: «Колос», 1921. — Т. 1—2].

[6] *Баммель Г. К.* О нашем философском развитии за 10 лет революции [// Под знаменем марксизма. — 1927. — № 10—11].

[7] Ее книга «Философские очерки», составившаяся из отдельных статей в различных периодических изданиях и имеющая подзаголовок «Ответ философским критикам исторического материализма», вышла в свет в 1906 г. и дважды переиздавалась в двадцатых годах. Ближайшего отношения к социологии она не имеет. В последнем отношении нужно иметь в виду преимущественно ее книгу «Критика основ буржуазного обществоведения», о которой см. выше. Ее взгляды, однако, подвергаются критике. (См. *Н. Карев.* «Л. Аксельрод на пути от материализма к позитивизму».)

[8] Еще Чернышевский горячо стоял у нас за диалектический метод, принимая его и за закон развития сущего (см. особенно его «Критику философских предубеждений против общинного землевладения», появившуюся в 1858 г. и по ее поводу статью Славинского «Развитие явлений общественного быта» в «Отечественных записках» за 1859 г.) Ср. *Кирпотин В.* Чернышевский и диалектика [// Под знаменем марксизма. — 1928. — № 9]. Лавров склонялся к той мысли, что диалектический закон оправдывается, по-видимому, в очень многих сферах человеческого сознания, т. е., значит, не во всех, и только сознания, а не бытия. Дань увлечения диалектизмом отдал в свое время и автор настоящей книги в «Основных вопросах философии истории» (в самом конце [Кн. 4, гл. 3], «Общий закон прогресса», № 3 «Закон Гегеля» и № 4 «Общая проверка закона прогресса на элементах культуры»), не исключая и социального бытия: «прогресс есть движение вперед через развитие противоположностей», ибо для того, «чтобы что-либо прогрессировало, необходимо отрицание прежнего».

[9] Статья *Зибера* «Диалектика в ее приложении к науке» [Слово. — 1879. — № 1], бывшая передачей содержания известной книги Энгельса «Анти-Дюринг», была явлением довольно одиноким и мало обратила на себя внимание в свое время.

[10] По этому пункту ср. ст. *Кривцова С.* Проблема стихийности и сознательности в ленинизме [// Под знаменем марксизма. — 1929. — № 1], где, однако, вопрос решается не так.

[11] [*Деборин А.* Ленин как мыслитель. — М.: «Красная новь», 1924; *Варьяш А.* Диалектика у Ленина. — М.; Л.: Госиздат, 1928; *Луппол И.* Ленин и философия. — М.; Л.: «Прибой», 1925; *Разумовский И.* К воззрениям Ленина на государство и право // Под знаменем марксизма. — 1927. — № 1—2; *Розанов Я.* Исторический материализм: Библиография с 1865 по 1924 гг. — Киев: Госиздат Украины, 1928. — Ч. 1, отд. 5.] В последней книге дана литература, посвященная характеристике философско-социологического мировоззрения Ленина.

[12] Об этой работе Ленина есть статьи Деборина, Луппола и Максимова [Под знаменем марксизма. — 1924. — № 1, 10, 11].

[13] «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманит. наук» (1930), с. 78—84.

[14] Там же, с. 120—123.

[15] См. там же. В издательском предисловии к книге Солнцев назван был «экономистом-эклектиком», соединяющим в своих построениях различные, несоединимые, по существу, теоретические воззрения. Кроме того, Солнцев издал хрестоматию по тем же вопросам (1925).

[16] Более раннюю русскую социологию Солнцев игнорирует, кроме моего «Введения [в изучение социологии]».

[17] Аналогичные мысли Гредескул высказал в брошюре [«К учению об осуществлении права» (Харьков: Тип. А. Дарре, 1900)].

[18] О М. Н. Покровском см. статьи *А. Шестакова, П. Горина, Н. Рубинштейна* и др. в «Историке-марксисте» [1928. — Кн. 9], Рубинштейна еще в кн. 10—11 за 1924 г. и *Фриндленда Ц.* [Под знаменем марксизма. — 1928. — № 5]. «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманит. наук» (1930), с. 97—100.

[19] Эта статья в двух книжках «Правды» за 1904 г. представляет собой разбор идей Риккерта.

[20] См. о Рожкове *М. Н. Покровский* в «Историке-марксисте» [1927. — Кн. 4]; *Сидоров* [Там же. — Кн. 14].

[21] Автор рецензии на этот труд в «Под знаменем марксизма» [1925. — № 5—6] Н. Л. Рубинштейн совершенно верно отмечает изменчивость взглядов Рожкова. С точки зрения марксизма он называет отход Рожкова от экономического материализма «катастрофическим», ставя ему в упрек и то, что он «попробовал обойтись без диалектики».

[22] [*Нечкина М. В.* Русская история в освещении экономического материализма. — Казань: Госиздат, 1922; *Андреев Н. Н.* К вопросу о понимании закономерностей в истории: Социологический этюд. — Пг.: «Книга», 1925.]

[23] Плеханов различал между «арифметикой общественного развития, указывающей на причины отдельных явлений», и алгеброй «этого развития», указывающей на то, как следует открывать эти причины. Между авторами, стоящими на точке зрения социологии, отметим *Г. А. Энгеля*, который в своей книге «Очерки материалистической социологии» [М.; Пг.: Изд. Л. Д. Френкель, 1923] ставит знак равенства между понятиями «марксизма и материалистической социологии».

[24] «Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отд. гуманит. наук» (1930), с. 11—15.

[25] *Гортер Г.* Исторический материализм [— М.; Пг.: «Коммунист», 1919].

[26] Разумовскому принадлежит ряд статей в «Под знаменем марксизма»: «Понятие права у Маркса и Энгельса» [1924. — № 2—3], «К воззрению Ленина на государство и право» [1927. — № 1—2], «Философия и юридическая теория» [1927. — № 12], «Плеханов и исторический материализм» [1928. — № 5] и др.

[27] Кроме разве «забытого всеми положения Маркса о способе представления» и «материализации» духовной культуры в книгах, библиотеках и т. п.

[28] Кое-что, впрочем, есть у Разумовского.

[29] «Социологии как действительной науки об общественной жизни и законах ее развития буржуазия создать не может» (Разумовский).

Заключение

Признавая, что инициатором социологии как общей науки о естественных законах человеческой общественной жизни был Огюст Конт, нельзя, конечно, говорить о существовании где бы то ни было этой науки до усвоения там основной идеи новой науки, провозглашенной в «Курсе положительной философии», в смысле ее предмета, задачи, метода вплоть до ее наименования социологией. Имя Конта сделалось в России известным, а потом и популярным только во второй половине шестидесятых годов прошлого века. Валериан Майков был исключением. Если раньше кто-либо у нас более других общим своим миросозерцанием был подготовлен к усвоению идеи социологии, то, без сомнения, это был Чернышевский, но он, как известно, не знал Конта, как, прибавим, не знал и Маркса, оказавшего позднее большое влияние на социологию. Мало того, и знакомство с «Курсом положительной философии» не всегда приводило к пониманию того, что оказалось в нем наиболее существенным и благотворным, как показывает пример Плеханова. Первым, кто пустил у нас в оборот контовскую мысль о социологии, был Лавров, на которого и следует смотреть как на первого русского социолога и родоначальника целого направления в этой бывшей еще в конце шестидесятых годов совершенно новой науке.

В эти моменты и на Западе почти не существовало социологической литературы, да и вообще только что пробуждался интерес к этой идее Конта, а в некоторых странах социологическая литература возникла